

УДК 811.222.1.001.36:141.336:801.661

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЗМА СУФИЙСКОЙ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Терещук С. В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: sirius_clavdius@mail.ru*

Сравнительный анализ символизма суфийской и дальневосточной философской традиции. В научной работе проведено исследование в области суфийской философской традиции, а также сравнительный анализ суфийского символизма с элементами символизма дальневосточных мистических философских школ. Подчеркивает важность таких лингвистических понятий как «план выражения» и «план содержания». Дан краткий обзор суфийской философской парадигмы и анализ основных элементов символизма, присущих суфизму как самостоятельному мистическому течению в исламе. Раскрывается влияние суфийского философского мировоззрения на персидскую литературу и его отображение в её текстах. Предоставлен сравнительный и сопоставительный анализ значений суфийских мистических символов сквозь призму дальневосточной философской традиции.

Ключевые слова: суфизм, восточная философия, сравнительный анализ, символизм.

Постановка проблемы. Внимание данной научной работы сосредоточено на сравнительном исследовании суфизма как мистического ответвления ислама с восточной философской точки зрения. Актуальность данной работы определяется ее теоретическим и практическим значением. Исследования значений символизма, религиозных традиции и обычаев, философских парадигм по-прежнему актуальны, потому что отсутствием такого рода исследований обуславливается невозможность анализа суфийского литературного наследия сквозь призму восточной философии. Данным вопросом занимались такие ученые как Бертельс Евгений Эдуардович («Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев») и Керимов Гасым Мамедович («Возникновение суфизма и основы его учения»). Результаты их исследований отображены в книгах и научных статьях, указанных выше.

Субъектом данного исследования является изучение сходств и различий между мистическими психодуховными учениями суфизма Ближнего Востока и философских школ Дальнего Востока.

Объектом исследования являются философские базисы суфизма и восточных учений.

Символ означает значительно больше, чем его собственный образ, но в первую очередь он, всё-таки, является образом. Равно как и проявляющееся изображение на фотоплёнке, символ раскрывает себя плавно и медленно. Несмотря на то, что каждый элемент символа напрямую взаимодействует с нашим восприятием, нельзя ставить знак тождественности между символом и значением или понятием. Символ

сам по себе не может быть абстрактным, но он указывает на абстракцию и приводит к целостному абстрактному понятию.

Символизм – это приём использования символов для обозначения идей и качеств, давая им символические значения, которые отличаются от их буквального смысла. Символизм может принимать различные формы. Как правило, это объект, представляющий определенное понятие, чтобы придать ему совершенно другой смысл, гораздо более глубокий и значительный. Однако, действие, событие или слово, сказанное кем-то, могут также иметь символическое значение. Символы переносят (меняют) свое значение в зависимости от контекста, в котором они используются. Например, "цепь" может нести значение сплочённости и союза, но с другой стороны – лишения свободы. Таким образом, символическое значение объекта или действия становится понятным, отталкиваясь от того, когда, где и как он используется. Данный эффект также зависит лица, которое воспринимает тот или иной символ.

Символ – это знак, основным свойством которого является функция обозначения. Исходя из этой функции, можно выделить понятие биполярности символа как языкового знака. Материальный объект (или событие), который используется в качестве представителя другого объекта, есть означающая сторона знака (план выражения), а то, что обозначается знаком – означаемая сторона знака (план содержания). План выражения языкового знака называют экспонентом.

В сознании пользующихся данной знаковой системой, план содержания и план выражения (экспонент) знака связаны между собой. Для того чтобы пользоваться знаком, недостаточно знать экспонент, недостаточно и знания того, что он что-то обозначает, нужно знать, что именно обозначено данным экспонентом, каков план содержания знака.

Отношения означаемого и означающего, плана содержания и плана выражения, могут быть подведены под философские категории содержания и формы. Означаемое может рассматриваться как содержание, а означающее – как форма языкового знака. Однако соотношением означаемого и означающего не исчерпывается применение к языку категорий формы и содержания. План содержания языкового знака – действительно его содержание, план выражения языкового знака – действительно его форма, но понятия содержания и формы языковых явлений могут получать и другие трактовки.

В виду своей специфики, символизм вплотную связан с таким понятием как мистика, которая, в свою очередь, является ядром целостной философско-теологической парадигмы под названием «мистицизм». Фёдор Гиренок обращал внимание на то, что в современной культуре стерта разница "между знаком и символом", между тем как спецификой символа является указание на сверхреальное. Мистицизм всегда подразумевал наличие скрытой, незримой истины, к восприятию которой можно придти, располагая тайными знаниями. А именно: мистики пытались найти связь с Богом или другими сверхъестественными силами посредством единения с окружающим миром, а также путём поиска скрытых смыслов и значений за определёнными знаками или символами. В этом и заключалась ценность ответа, так как найти его было отнюдь нелегко. Из этой ценностной характеристики вытекает один из древнейших мистических постулатов: "Река истины протекает через

каналы заблуждений". Чтобы сделать информацию доступной лишь для немногих избранных и скрывать ее истинное значение от остальных, было принято пользоваться аллегориями, символами или методами перестановки; при этом смысл сообщения становился неясным для тех, кто считался неподготовленным или даже недостойным воспринять его.

Суфизм или тасаввуф, как его принято называть в мусульманском мире, являет собой яркий пример исламского мистицизма. Не мусульмане часто воспринимают суфизм как секту ислама. Но суфизм более точно можно описать как некий аспект или течение ислама. Суфийские ордена (тарикаты) можно встретить в суннитских, шиитских и в других исламских группах.

Суфии подчеркивают, что исламские знания должны быть получены от учителей, а не только из книг. Тарикаты могут проследить линии своих учителей через поколения до самого Пророка. Эта связь имеет название "силсила" – духовная генеалогия глав суфийских тарикатов, цепь посвящения, обретения благодати от предыдущего шейха.

Хотя суфии относительно малочисленны, они формировали ход исламской мысли и истории на протяжении многих веков. Суфии привнесли неоценимый вклад в исламскую литературу и, в частности, в персидскую. Например, влияние Руми, Аттары и Аль-Газали выходит за рамки мусульманских земель и распространяется даже на западных философов, писателей и богословов. Суфии сыграли заметную роль в распространении ислама, особенно на дальние форпосты мусульманского мира в Африке, Индии и на Дальнем Востоке.

При изучении суфийской поэзии легко заметить, что количество образов, которыми пользуются суфийские поэты, довольно ограничено. Весь запас их сводится к определенным формулам, так сказать, основным типам. Они являются отправной точкой при создании стихотворения – почти не видоизменяясь, лишь вступая в различные сочетания друг с другом, они направляют ход мыслей поэта.

Если бы эти образы должны были пониматься в буквальном смысле, то, конечно, такое положение вещей могло бы быть признано доказательством бедности мысли поэта, нежелания его вводить в круг своего творчества новый материал. Но для суфийской мистической поэзии дело обстоит иным образом. Аутентичной ценности в ней образ не имеет, потому что его основная функция заключается исключительно в проявлении себя неким словесным иероглифом, который прикрывает собой истинное философское значение. И поскольку основная тема суфийского стихотворения предопределена заранее, то и уровень важности самого концепта разнообразности материала значительно понижается и на переднем плане вырисовывается задача наиболее целесообразного сочетания тех элементов, которые предоставлены автору на пути изучения философской доктрины. Центр внимания смещается, основным становится вопрос оптимального использования имеющегося материала в целях корректировки, уточнения и уяснения проблем суфийской философии, а не введения нового материала с целью создания художественных образов.

Такой взгляд на суфийскую поэзию, конечно, допустим только при условии признания рефлексии необходимым интегрирующим моментом в суфийской поэзии. Данные восточных источников скорее могут склонить к отрицанию этого момента,

большей частью сообщая о том, что поэт создавал свои произведения в состоянии экстаза, как бы инспирированный, изрекая не свои слова, а являясь только голосом выявления абсолютной истины. Надо помнить, что если может иметь место такого рода творчество, то и подделка под него, имитация экстаза не менее реальны. Учитывая, что западной литературе известен технический прием «поэтического беспорядка», обнаружение тайных нитей, связывающих план содержания художественного мира автора с экспонентом примеров его творчества, представляется весьма противоречивым и спорным моментом. Данный процесс являет собой не что иное, как поиск ключа к мистическим побуждениям и мотивам автора.

Для этого же, прежде всего, необходимо, чтобы эти произведения рассматривались именно как то, чем они являлись для суфия: не просто сменой традиционных образов, более или менее ярких, а вполне логичной последовательностью мыслей, обоснованной требованиями суфийской философии. Образы должны перестать быть только образами, напротив, они должны трансформироваться в соответствующие философские понятия, упразднить свое иероглифическое прикрытие.

Осознание необходимости раскрытия этих образов, толкования перевода их на язык доктрины ощущалось и самими суфиями. Доказательство этому – многочисленные комментарии к поэтическим произведениям. Не вызывает сомнений и тот факт, что материал, в сущности говоря, ограничен и может быть систематизирован и сведен к сравнительно небольшому числу основных типов. Это доказывают попытки создать своего рода код, или составить некие словари суфийских поэтических символов.

Одним из главных отличительных признаков, которые характерны практически всем мистическим школам или течениям, является концепт отшельничества или аскетизма. В суфийской философской парадигме он носит название "зухд". Многие мистические школы, если не берут своё начало от практики отшельничества, то, как минимум, выделяют для него конкретное место в своих учениях. И суфизм не является исключением. Еще задолго до этапа становления данного течения мистики, которые впоследствии будут называться суфиями, практиковали именно аскетизм как одну из форм духовного восприятия окружающего мира и поиска истины. Аскетизм был напрямую связан с исламским принципом "таваккуль" – упование на Божью Волю. С другой же стороны, аскетизм почти всегда тесно связан практикой медитации, что характерно и для других мистических течений, таких как: буддизм, даосизм, йога и т.д. Сам по себе элемент уединения пророка для размышления и восприятия окружающего проявляет себя как в исламе (Мохаммад), так и в буддизме (Сиддхарта Гаутама).

В разных мистических учениях процесс медитации проходит по схожим алгоритмам, несмотря на то, что вариативная составляющая также оказывает существенное влияние. Тем не менее, сам процесс чаще всего направлен на достижение некоего экстатического состояния. В суфизме это состояние имеет название "ваджд" и характеризуется чувством "опьянённости" от божественной любви, когда мистик сближается с абсолютом, сохраняя при этом все человеческие атрибуты. В свою очередь в индуистской и буддийской медитативных практиках существует понятие "самадхи" – состояние, при котором исчезает сама идея собственной индивидуальности (но не

сознание) и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. В дзэн-буддизме такого рода единение носит название "сатори". С точки зрения современной психологии эти понятия можно сопоставить с термином "катарсис", в виду того, что вышеописанные процессы, высвобождая психическую энергию, способствуют эмоциональной разрядке.

Несомненно, что для достижения экстатического состояния необходимы психосоматические факторы влияния. Этим инструментом для адептов мистических учений служат разного рода молитвы или песнопения, отличительной чертой которых является элемент многократного повторения при поддержании соответствующего темпа дыхания. Отсюда, на примере буддистских мантр, можно проследить причинную связь деления молитв на слоги ("Ваджрасатва" 100-слоговая мантра). Кроме того, нельзя отрицать наличие схожих действий, выполняемых суфиями во время зикра и йогоми в практике, которая позже получила название "холотропное дыхание". Встречаются подобные приёмы медитации и у шаманов Юго-восточной Азии.

Но все это лишь шаги на пути к цели. И сам по себе "путь" представляет собой не менее важный аспект мистического прогресса. Для ищущего мистика-суфия – это дорога к Абсолютной Реальности в сопровождении любви. И конечной целью, пунктом назначения предстает Бог. Посредством данного пути суфий приходит к гармонии с Божественной Природой. В дополнение к этому, категория пути является одной из основных для философской школы даосизма, где он понимается и как первопричина вселенной, и лежащая в её основе таинственная и непознаваемая закономерность, и целостность жизни. Трактовки этой категории в суфизме и даосизме отличаются, но, помимо отличий, существует и одно любопытное сходство, которое можно заметить, внимательно прочитав следующие слова из Дао дэ цзин: "Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао", что, если не явно, то косвенно, указывает на общность с суфизмом в плане мистического принципа невозможности выражения осознанной истины.

Конечной целью пути мистика принято считать полное единение с Абсолютом и, как результат, приобретение Просветления. Состояние, которое суфии называют "хакикат". Это финальная фаза духовного самосовершенствования, в буддизме известная как "нирвана". Данное состояние предоставляет мистика свободу от желаний, страданий и привязанностей, отсутствие их влияния на события жизни. Иначе говоря, постижение Абсолютной Божественной истины, которая и являет собой главным качеством Человека Просветлённого (Инсан камиль для суфиев или Будды для буддистов).

История мистики содержит много страстных песен о любви к Абсолюту, но в суфийской поэзии есть своеобразное богатство, глубина, цвет, который завораживает и прельщает столь многих из нас.

Суфийская поэзия изобилует аллегориями и любовными романсами, рассказами, в которых легко прочитать скрытый смысл страсти к Абсолюту. Различные темы суфийской литературы: соловей влюблен в розу, мотылек кружит вокруг света свечи, стоны голубя, который потерял свою половинку, таяние снега в пустыне, тростник, оторванный от своей чащи, жалобная музыка которого заполняет глаза слезами.

Читатель суфийской поэзии в первый раз, может быть поражен, возможно, даже смущен экстравагантным языком, очевидным пренебрежением всех человеческих и божественных законов. Но при дальнейшем рассмотрении любовь суфия к своей возлюбленной сияет всем спектром яркости света.

Выводы и перспектива. Следует сказать, что при рассмотрении способов приспособления к дальневосточному типу ума, идеи, аллегии и примеры, характерные для суфизма, были развиты много веков назад и есть определённое сходство между восточной философией и суфизмом в терминологии, истории и в деятельности мастеров, но в то же время нам предстоит разгадать еще немало мистических тайн.

Литература

1. Ahmed Zarruq. The Principles of Sufism // Ahmed Zarruq, Zaineb Istrabadi, Hamza Yusuf Hanson : Amal Press, 2008
2. Idries Shah, The Sufis – ISBN0-385-07966-4
3. Leonard Lewisohn. The Legacy of mediæval Persian Sufism. – Khaniqahi-Nimatullahi Publications, 1992.
4. Shaikh Sharfuddin Maneri. Letters from a Sufi Teacher. Mountain View, CA: Golden Elixir Press, 2010 – ISBN 978-0-9843082-4-8.
5. Zubair Fattani. The meaning of Tasawwuf: Islamic Academy [Электронный ресурс] : Режим доступа к статье: Islamicacademy.org

Терещук С. В. Порівняльний аналіз символізму суфійської і далекосхідної філософської традиції / С. В. Терещук // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 163–168.

В науковій роботі проведено дослідження в області суфійської філософської традиції, а також порівняльний аналіз суфійського символізму з елементами символізму далекосхідних містичних філософських шкіл. Підкреслюється важливість таких лінгвістичних понять як « план виразу » і « план змісту ». Дано короткий огляд суфійської філософської парадигми та аналіз основних елементів символізму, властивих суфізму як самостійній містичній течії в ісламі. Розкривається вплив суфійського філософського світогляду на перську літературу і його відображення в її текстах. Надано порівняльний аналіз значень суфійських містичних символів крізь призму далекосхідної філософської традиції.

Ключові слова: суфізм, східна філософія, порівняльний аналіз, символізм.

Tereshchuk S. V. Comparative analysis of symbolism of Sufi and Far Eastern philosophical traditions / S. V. Tereshchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 163–168.

This paper shows a study in the field of Sufi philosophical tradition, as well as a comparative analysis of the Sufi symbolism with elements of mystical symbolism of the Far Eastern philosophical schools. The researcher defines and reveals the term "symbolism" and points out the key moments of its specificity. The importance of such linguistic concepts as "expression plan" and "content plan" is emphasized.

A brief overview of Sufi philosophical paradigms and analysis of the main elements of the symbolism inherent in Sufism as an independent mystical flow in Islamic doctrine are given. The influence of Sufi philosophical outlook on Persian literature and the way it is being displayed in Persian literary texts are revealed.

The work provides a comparative and contrastive analysis of the hidden meanings of the Sufi mystic symbols through the prism of the Far Eastern philosophical traditions and also shows the constructive summary of the research. By using historical and philosophical data the straight connection between symbolism of Sufi mystical worldview and Far Eastern philosophical tradition is revealed.

Key words: Sufism, Eastern philosophy, comparative analysis, symbolism.

Поступила в редакцію 30.08.2013 г.